

ДАРЬЯ ДОЦУК

Встречное движение

Дарья Доцук
Голос

«Самокат»

2017

Доцук Д.

Голос / Д. Доцук — «Самокат», 2017 — (Встречное движение)

В тот день у Саши не было никаких предчувствий. Обычное утро. А потом прогремел взрыв. Больше она не может спускаться в метро и находиться в толпе. Страх набрасывается внезапно, душит, заставляет сердце биться на пределе. Приступ длится минуту, полчаса, час. Лекарства подавляют некоторые симптомы. А вот со страхом придется бороться самой. Или стоит все-таки рассказать кому-то о своих чувствах? Поездка в Калининград к бабушке – шанс вернуться к нормальной жизни, ведь там никто не знает о том, что случилось, и можно не бояться косых взглядов и неудобного молчания. Как освободиться от страха? Где найти точку опоры и силы жить дальше?..

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	12
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дарья Доцук

Голос

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Доцук Д., текст, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2017

* * *

В тот день у Саши не было никаких предчувствий. Обычное утро. А потом прогремел взрыв.

Больше она не может спускаться в метро и находиться в толпе.

Страх набрасывается внезапно, душит, заставляет сердце биться на пределе. Приступ длится минуту, полчаса, час. Лекарства подавляют некоторые симптомы. А вот со страхом придется бороться самой. Или стоит все-таки рассказать кому-то о своих чувствах?

Поездка в Калининград к бабушке – шанс вернуться к нормальной жизни, ведь там никто не знает о том, что случилось, и можно не бояться косых взглядов и неудобного молчания.

Как освободиться от страха? Где найти точку опоры и силы жить дальше?..

1

Это случилось 21 ноября в 8:14 утра. Несколько секунд, которые длятся слишком долго. Которые ты будешь носить в себе и проживать снова и снова, как будто остальные воспоминания стерты.

У меня не было никаких предчувствий. Я ехала в школу. До школы две остановки на метро, всего четыре минуты. Скоро эти четыре минуты покажутся мне пропастью.

Сегодня тест по физике. Зато после уроков можно поехать в книжный и спокойно провести там часа два-три. В том, что будет физика и будет книжный, я была уверена так же, как в том, что второго октября становлюсь на год старше.

Поезд гудел, свистел, грохотал и раскачивался. Скрежетал по рельсам – из-под колес, наверное, брызгали искры. Так мне, во всяком случае, представлялось. Горячие искры, как от сварочного аппарата. В детстве кто-то из мальчишек сказал, что, если посмотреть на сварочные искры, – ослепнешь. И я до сих пор опускаю глаза, когда вижу оранжевый фонтан, бьющий сварщику в маску. Там точно искры, под колесами.

Поезд вильнул, и мужчина в колючем пальто навалился на меня, отдавил тяжелым ботинком ногу. Утренние попутчики – худшие. Сонные, злые, незавтракавшие, вся работа впереди. Вечерние получше – едва живые, но все же не такие безнадежные, они уже отмучились и знают: скоро неуклюжий поезд доставит их домой, к ужину и дивану.

Я читаю с телефона, кое-как раскорячившись между чьих-то спин, плеч, рюкзаков, – вся в напряжении, чтобы удержать равновесие. Все какие-то сердитые. Может, потому, что никак не выпадет снег. Отец тоже приходит с работы раздраженный больше обычного и говорит, что все кругом психи. У него свое поверье: «Вот ляжет снег – психи успокоятся».

А я не люблю снег.

Казалось, худшее, что могло со мной случиться, – это зима.

Я до сих пор не могу разобраться: в тот день, 21 ноября, ничего плохого не должно было произойти. Просто не имело права.

Поезд вынырнул из тоннеля. На платформе уже нетерпеливо выстроились пассажиры, готовые запрыгнуть внутрь.

Все было как всегда.

А потом произошел взрыв.

2

И вот теперь, полгода спустя, я здесь, у бабушки в Кёниге¹. По стеклу струится дождь, и я наблюдаю за каплями: они скользят, сливаются друг с другом. Преголя² ловит неверное отражение Рыбной деревни и переливается таинственно, как змеиная кожа. Вообще-то это не настоящая деревня, это новые здания в довоенном немецком стиле. Наверное, они нужны для того, чтобы отвлекать внимание от «хрущевок» на заднем плане. И чтобы туристам и молодоженам было где фотографироваться. А вот белая башня-маяк ничего.

Рассматриваю старую фотографию конца 40-х. Она матовая и как будто теплая. На ней молодые Тишкины – мои прабабушка и прадедушка – и бабушка Надя, совсем еще малышка. Они настороженно смотрят в камеру, словно фотографироваться для них – тяжкая обязанность. А может, дело в старой немецкой кирхе, которая виднеется у них за спиной. Может, именно она, обезглавленная не то английским, не то советским снарядом, наводит ужас на Тишкиных?

На башне уцелели огромные часы с тяжелыми стрелками. Показывают двадцать минут седьмого. Еще по немецкому времени. Что-то тревожное рвется наружу с этой фотографии. Я вглядываюсь в напряженные лица Тишкиных и прячу фотографию в книгу.

Дождь усиливается. Капли бьются о стекло, как бестолковые прозрачные букашки. «Википедия» говорит, в Кёниге в среднем тридцать четыре ясных дня в году. Остальные дни принадлежат ветру, дождю и мраку. Город вечной осени. Я проводила здесь по три недели каждое лето – а лета так ни разу и не увидела. Посмотрим, повезет ли в этом году.

В старину неугодных жен и глупых детей ссылали в какой-нибудь монастырь, чтобы не было стыдно перед соседями. Вот и меня... Вернее, я сама решила устраниться. Родителям нужно от меня отдохнуть, а то я уже стала их личным домашним дементором. Им нужна целеустремленная дочь-отличница, которую можно с гордостью показывать друзьям, а не беспомощное создание, которое даже из дома выйти не может.

Конечно, куда бы меня не отпустили, если бы врач не сказал, что смена обстановки и свежий воздух пойдут мне на пользу. Главное, чтобы лекарство не забывала принимать. Насчет этого он может не беспокоиться, забыть о лекарстве я уже не в состоянии.

Перед отъездом мама все равно искала повод меня оставить. Зачем? Понимала ведь, что нам всем нужна передышка. Так хотелось оказаться где-нибудь, где никто не знает, что у меня диагноз.

Одноклассники вели себя странно: списать не просили, даже не заговаривали со мной лишний раз. Ну правда, о чем говорить с жертвой теракта? А если она еще и с катушек слетела? Как ни скрывай, все равно узнали. От классной, наверное.

Иногда мы ссоримся с отцом, и мама меня защищает: «Она такая ранимая и впечатлительная! С ней надо ласково». Отцу все равно, он железный: сам не плачет и от других не потерпит. Но иногда у железных людей рождаются самые обычные дети. А моему отцу не повезло вдвойне: у него дочь.

«Чуть что – сразу в слезы!» – цедит он и уходит. Ему противно видеть мои опухшие глаза, он даже не пытается это скрыть.

Я сама виновата. Окажись отец на моем месте, он бы выстоял и еще бы кого-нибудь спас. Мне следовало заставить себя быть сильной, выносливой, не бояться. Притвориться, что «ранимая и впечатлительная» – не про меня. Вот тогда бы он воспринимал меня как нормального человека.

¹ Кёниг – прозвище Калининграда, сокращение от старого названия Кёнигсберг.

² Преголя – река.

А я сломалась.

Отец считает, что я сама себя накручиваю, а врачам лишь бы лечить, они и здорового до смерти залечат.

Если бы можно было отсечь руку, чтобы избавиться от страха, я бы это сделала. Seriously, я не преувеличиваю. Жизнь без руки кажется мне куда привлекательнее того, что сейчас со мной происходит.

Ну вот, теперь, когда я в Кёниге, им станет полегче. Отцу не придется каждый день видеть меня, а маме – отцовские оголенные нервы. Осталось только выздороветь. Отец дал мне на это три месяца.

3

Мама помогала мне собирать вещи и как бы между делом отговаривала:

– Ну зачем тебе сейчас лишние переживания? Чужой город, плохой климат...

– Это не чужой город, там бабушка.

– С бабушкой тоже бывает непросто.

Я ничего не ответила. Свернула кофту и взяла следующую.

Мама все повторяла, что они с папой ужасно за меня волнуются и очень хотят, чтобы я поскорее поправилась; что от болезни нельзя сбежать в другой город; что они делают все, что в их силах.

– Да, я знаю, – отозвалась я.

Голос у мамы ласковый, а в глазах – будто укоризна: «Смотри, как мы стараемся! Ну почему ты никак не выздоравливаешь?»

Иногда мне кажется, что и она не верит в мою болезнь. Конечно, ведь ни УЗИ, ни микроскоп не покажет концентрацию страха в крови. Но я его чувствую. Его будто впрыскивают в меня, и он бежит по венам, отравляя все внутри. И я ничего не могу сделать.

Когда твое тело выходит из-под контроля, силы взять неоткуда. Нет такого волшебного колодца, где все это хранится – вера, терпение, надежда, храбрость: бери ведро и черпай.

Мама все время напоминает: надо быть сильной, бороться, это не навсегда. А если навсегда? Я очень устала. Я просто оболочка для болезни, которая в тысячу раз сильнее меня.

Врачи не дают никаких гарантий. Медикаментозная терапия может затянуться на несколько лет. И всегда возможен рецидив.

Наверное, я сдаюсь. Но у меня правда больше нет сил.

– А вдруг у тебя там голова будет болеть на погоду? – волнуется мама.

Я вспоминаю холодное даже летом Балтийское море и пронизывающий ветер, от которого больно в ушах.

Но дома хуже. Уговаривать меня бесполезно.

Мама поджала губы; она никогда не кричит, не ругается и ничего мне не запрещает. Быстрым сердитым движением она застегнула чемодан и демонстративно выставила его на середину комнаты. Мол, поступай как знаешь.

Я посмотрела на чемодан. В боку заныло. Чемодан застегнут, отъезд стал реальностью. Мама больше не будет сопротивляться, отец возьмет билеты, и я уже не смогу передумать. Беспокойство прокатилось сквозняком по спине. Я машинально сцепила пальцы, как и всегда, когда нервничала.

Бабушку я не видела с прошлого лета. Когда я была маленькой, мы каждый год ездили вдвоем в огромный скучный санаторий. Купаться в море мне не разрешали, я была из «часто болеющих», так что морем мы просто «дышали». Такую бабушка придумала процедуру. В лес мы ходили дышать соснами, а на пляж – морем.

А вдруг она тоже скажет, что я себя накручиваю?

Тут я вспоминаю про самолет и цепенею. Замкнутое пространство посреди ледяной пустоты. Как я ни отталкивала эту мысль, она проскочила и впилась в сознание. От нее стучит в висках и закладывает уши. На меня накатывает паника.

На мамином лице вспыхивает беспокойство: она мгновенно подмечает мой застывший взгляд и сбивчивое дыхание. Я никак не могу вдохнуть полной грудью.

Холод ползет по мне, и его прикосновение – как гладкое змеиное туловище. Я боюсь двигаться. Лед сковывает меня изнутри, перекрывая дыхание. Кажется, он настолько силен, что не ограничивается моим телом, струится из кончиков пальцев и заполняет собой всю комнату. Я чувствую себя призраком, о чьем присутствии догадываешься по сквозняку.

Мама греет мои руки в своих ладонях.

– Сашенька, дыши глубоко! Давай вместе: х-х-у-у... х-х-у-у...

Она предлагает досчитать до десяти, как учил врач. Это не так просто, когда к горлу подкатывает тошнота, а сердце истерически стучит и жжется, пытаясь пробить грудную клетку насквозь.

Мама повторяет что-то ровным тихим голосом. Так утешают ребенка, пока тот не уснет. Но ее бормотание только раздражает. В ушах гудит и лязгает, словно в голове с бешеной скоростью носится бесконтрольный поезд метро.

– Мне страшно, мам, я не могу, не могу, – шепчу я сухими губами, но «страшно» – слишком пустое, бесполезное слово.

Мама гладит меня по спине:

– Я знаю, Сашенька, постарайся не думать об этом. Ну чего же ты опять испугалась, маленькая моя?

Делает вид, что может помочь, но ничего она не может. Слова и поглаживания не остаются приступ. Это все равно что угрожать лесному пожару деревянным мечом.

На меня наваливается тяжелое одиночество. Мама не понимает. Она думает, что я притворяюсь: стоит мне захотеть, и все это прекратится, просто мне нравится страдать и быть несчастной.

Хочется закричать: «Почему ты ничего не делаешь?! Вызови скорую! Я же сейчас умру! Или ты наконец решила от меня избавиться?» Но голос не слушается. Я отбрасываю мамину руку. Пусть не трогает, мне противны ее прикосновения.

Я прекрасно осознаю, что со мной происходит, но мозг отказывается управлять телом. Механизм панических атак я знаю наизусть: ложный сигнал тревоги, запуск аварийной реакции, резкий выброс адреналина, организм ведет себя так, будто ему угрожает смертельная опасность. А потом наступает что-то вроде интоксикации. Паника поглощает все: лихорадочно стучит сердце, мысли обрываются, и все попытки взять себя в руки заканчиваются ничем.

Я успеваю добежать до туалета, прежде чем меня выворачивает. Мне хочется вытошнить весь этот страх, по-другому от него не избавиться. Я задыхаюсь, из глаз выдавливаются слезы. Слышу, как причитает мама. Между позывами я со страшным присвистом втягиваю в себя воздух, но его недостаточно, чтобы наполнить легкие даже до половины. Это пугает еще сильнее.

Самый страшный момент: я понимаю, что легкие отключаются, осталось два-три вдоха. И пусть. Зачем мне такая жизнь? И жизни я такая – зачем? Не могу больше, не хочу.

И вдруг какая-то частичка меня, маленькая и глупая, начинает сопротивляться. Паника угнетает ее, но одновременно подстегивает. Она бьется и трепещет отчаянно, как птенец в крокодильей пасти. Я будто вынырываю из ледяного океана.

Я уговариваю себя дышать глубже и считать до десяти. Постепенно дыхание выравнивается, я беру у мамы стакан воды, полощу рот, выхожу и начинаю мерить шагами квартиру. Ходить, двигаться, согреваться. Я думаю только о том, как переставлять ноги. Сердце то набирает, то сбрасывает скорость, и шаги – единственное, что дает ощущение контроля.

«Просто шагай, – говорю я себе, – больше от тебя ничего не требуется».

Когда накатывает паника, я повторяю про себя один и тот же стишок, снова и снова, пока слова не потеряют смысл:

Жил-был человечек кривой на мосту.
Прошел он однажды кривую версту.
И вдруг на пути меж камней мостовой
Нашел потускневший полтинник кривой.

Жил-был человечек кривой на мосту.
*Прошел он однажды кривую версту...*³

Через час, который тянется словно день, стишок начинает действовать. Как заклинание. Пульс приходит в норму, вспышки страха и покалывание в сердце становятся более редкими. Потребовался не один месяц, чтобы этому научиться. Меня все еще знобит и колотит, но я знаю, что мне уже ничто не угрожает. До следующего приступа. Страх отступает, дает мне возможность поднакопить сил. Ему нравится со мной играть. Разум – странная штука. Иногда он напоминает большой пыточный механизм.

Мама прижимает меня к себе, и я пытаюсь заглушить чувство стыда за то, что я такая. Мы идем на улицу, потому что мне нельзя останавливаться, мне нужно шагать. Шаги – это моя медитация.

Несмотря на жару, мы ходим и ходим по длинной аллее. Делаем вид, что гуляем. Разговаривать не получается.

Если еще час назад ты был уверен, что умрешь, и вот сумел избежать смерти, все кажется чудесным и странным: залитый солнцем тротуар, трава между плитками, голуби, столпившиеся вокруг старушки с хлебными крошками, и иногда ветерок. Словно отведенное тебе время кончилось, но по чьему-то недосмотру ты проживешь еще один день.

Чтобы отвлечь меня, мама болтает о какой-то ерунде. Почему бы нам не вырастить базилик на подоконнике? Продаются специальные горшочки, там уже все готово, и грунт, и семена. Полил – и растет. Можно целый садик завести: мята, ромашка, петрушка, розмарин...

Мне уже лучше, но все же мельком, где-то на заднем плане, проносится тревожное: а что, если в следующий раз я не услышу ту частичку меня, которая так не хочет умирать?

³ Перевод с английского С. Маршака.

4

В Кёниг мы прилетели около шести утра, и злой невыспавшийся отец накинулся на охранника за то, что прокат автомобилей до сих пор не работает. Мол, в самом паршивом аэропорту можно получить машину в любое время суток, а у отца к тому же заказано.

Охранник повторял, что он к прокату никакого отношения не имеет, но отец уже вошел в раж.

– Это только у нас такое возможно! Нигде в мире!..

Мама осторожно взяла его за локоть:

– Юра, они только с девяти. Если неохота ждать, давай такси возьмем.

Он отмахнулся и снова заорал на охранника:

– А мне никто не сказал, что с девяти! У меня заказано, понимаете вы или нет? Вызовите их сюда сейчас же!

Мама виновато улыбнулась охраннику и отправилась добывать кофе. Никакой общепит в зале прилета тоже не работал, и маме пришлось возиться с полуисправным кофейным аппаратом.

Мне кофе не полагался, он возбуждает нервную систему. Так что я заняла одно из жестких металлических кресел и стала рассматривать парковку. Солнце уже выбралось из-за горизонта, и в машины проникал теплый розоватый свет. Дождя вопреки ожиданиям не было.

Ну все, можно выдохнуть: я на земле. Я отпила из бутылки, в которой плавали четвертинки лимона. Скулы свело. Воду с лимоном мне пожертвовали стюардессы, чтобы я как-то сладила с тошнотой и не действовала на нервы остальным пассажирам. А раньше я любила летать, облака меня завораживали.

Наконец можно освободить запястья от тугих акупунктурных браслетов. Они вроде как помогают от укачивания. Мы с мамой купили их в аптеке перед полетом. Но началась турбулентность, в хвосте зарыдал младенец – так, словно знал наверняка: сейчас разобьемся, – и меня захлестнуло.

Надо было садиться у окна, а не в проходе. Тогда толстый любопытный мальчишка не смог бы на меня таращиться. Хотя какая разница? Вот взрослые не таращились, но от этого не легче.

Все, хватит думать об этом. Никого из них я больше не увижу.

Раньше я много где мечтала побывать, особенно в Скандинавии – мне всегда нравились их легенды. А тут практически Скандинавия – Швеция на другом берегу Балтийского моря.

Мама принесла отцу кофе в надежде отвлечь его от охранника.

Отец принялся и скорчил гримасу:

– Дрянь какая.

День не ладился. Кофе оказался не просто дрянью, а дрянью горячей. Отец выругался так яростно, что чей-то ребенок заплакал.

Хоть бы уже кто-нибудь появился за стойкой проката.

Чтобы не утруждать бабушку, родители остановились в гостинице в Рыбной деревне. Это вроде и близко, на том берегу реки, но бабушка обиделась. Она-то и рада утруждаться и целый день печь пироги, у нее все вкусные – с капустой, с сыром, с вишней, но особенно – с ревенем⁴. Пироги с ревенем я только у бабушки ем, в Москве ни разу не встречала.

⁴ Ревень – травянистое огородное растение, употребляется для киселей, компотов, мармеладов, варений и особенно применяется в национальной кухне стран Балтики. Сладкие блюда из ревеня входят в национальные кухни немцев, датчан, шведов, эстонцев, латышей («Кулинарный словарь» В. В. Похлебкина).

Мама правильно поступила: отца не каждый выдержит. Он так разговаривает – сразу чувствуешь себя последним ничтожеством. К счастью, он не любит ходить в гости, не нравится ему, что в гостях нужно следовать чужим правилам. А в гостинице заплатил – и живи как хочешь.

Отец затащил мой чемодан в комнату, которая раньше принадлежала маме. В шкафу до сих пор висит мамина школьная одежда, бабушка ее не раздает – вдруг мне что-нибудь понравится. В письменном столе хранятся тетрадки. Обычные, по русскому и математике, и забавные, со стихами Коле Б., которые смешно и страшно неловко читать – но не оторваться!

В день приезда отец в основном сердито молчал. Или сосредоточенно ел. Наверное, мечтал поскорее вернуться в офис.

А бабушка в присутствии отца постоянно суежилась: то кофе предложит, то добавку, то еще что-нибудь. Думаю, она его побаивалась, он ведь никогда не улыбается. А еще у него некрасивые кустистые брови, из-за этого взгляд всегда недобрый. Надеть на него черную мантию, и получится образцовый колдун.

Мама иногда намекает, что неплохо бы ему выщипать эти страшные брови, а то ходит, как злой филин, но он отмахивается: «У меня времени нет брови щипать» или «Красота – это ваши женские штучки, а меня не трогайте». Отец никогда не делает ничего для красоты или ради развлечения. Все должно приносить пользу. Вот если бы редкие брови боролись с остеохондрозом или влияли на курс валют...

Эти ужасные брови – густые, широкие, неправильные – вот и все, что роднит меня с отцом. Так что мне нравится их выщипывать.

Пока отец развлекался тем, что мелко ремонтировал бабушкину квартиру – чинил что-то в ванной, вкручивал энергосберегающие лампочки, – мама с бабушкой вполголоса разговаривали на кухне. Я разбирала вещи, иногда заходила попить или спросить что-нибудь и видела, как у мамы в глазах блестят слезы. А бабушка смотрела на нее точно так же, как мама смотрела на меня, как бы говоря: «Все будет хорошо, не нужно бояться».

Они говорили о взрыве. В то утро их обеих посетило дурное предчувствие. Бабушке накануне приснилась покойная прабабушка Маня, велела сходить в церковь и поставить свечку. А маме, у которой утром подгорела овсянка и выскользнул из рук стакан, тоже подумалось, что это не к добру. Маня и прежде, бывало, приходила к бабушке во сне, а у мамы и раньше случались неудачные дни, но потом, после теракта, все стало казаться предзнаменованием, которого они вовремя не разглядели.

В новостях показывали женщину в рыжей меховой шапке. 21 ноября она стояла совсем рядом с террористкой-смертницей, ее бы обязательно убило, но в другой части вагона освободилось место, и она заторопилась туда. Ее не задело взрывом, только напугало и оглушило. Она плакала и повторяла в камеру, что это Бог ее уберег.

Про меня бабушка говорила то же самое: «Бог уберег». Уберег ли?

Я вспомнила, как вышибло стекла между вагонами. Крупные стеклянные градины ринулись прямо в нас.

У меня подкосились ноги, и я упала кому-то на колени, успев спрятать глаза в сгибе локтя. Ухо и скулу оцарапало. Я этого не почувствовала – порезы зацепало уже потом, когда женщина-медик в синем комбинезоне сосредоточенно обрабатывала мне лицо. Всю левую сторону лица облепило черной пылью и клочьями пепла. Опаленные волоски съежились и топорщились мелкими узелками.

Того, что у меня окровавлена нога, я тоже не замечала, пока не оказалась наверху, на площади перед метро. Джинсы и колготки разорвало на бедре, чуть выше колена. Небольшое багровое, почти черное пятно расплзлось вширь. Боли не было.

«Надо в школу» – вспомнила я и, обретя цель, стала пробираться через наводненную людьми площадь под вой сирен.

Люди пытались дозвониться родным. Спohватившись, я тоже нашарила в сумке мобильный. Набрала маму, но звонок не проходил – сеть легла.

В небе зашумело, мы вскинули головы – вертолет МЧС садился прямо на Садовое кольцо.

5

Перед обратным рейсом мама занервничала:

– Нет, ну как вы тут будете?

Отец строго и многозначительно изучал меня из-под жестких бровей. Внушал что-то. Наверное, чтобы не тревожила мать. «Ты хотела – тебя привезли» – читалось в его глазах. Бабушка приобняла меня и ободряюще похлопала по плечу, защищая от отцовского взгляда.

– Все с ней будет нормально! – сказал отец маме. – Что ты расклеилась, как не пойми кто!

Он вышел на лестничную клетку и с силой надавил кнопку вызова лифта.

Мама обняла бабушку, поцеловала меня, но не уходила, а в нерешительности топталась на пороге, словно искала повод остаться. Но створки лифта со скрипом разошлись, и отец нетерпеливо крикнул:

– Наталья, поехали!

– Ну ладно, не скучайте. Если что, сразу звоните! – наспех попрощалась мама и, еще раз коснувшись губами моей щеки, поспешила за отцом.

Сразу стало невероятно тихо. Мы с бабушкой вышли на балкон и наблюдали, как родители, прикрываясь зонтом и виляя между лужами, спешат по мосту в гостиницу. Скоро нас будут разделять 1255 километров, я посмотрела в Гугле. Но жаловаться вроде как не на что – я же сама хотела от них уехать. Странно: а чувство такое, будто они меня бросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.